

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-286-303>
<https://elibrary.ru/XOEBSZ>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Примечания к Хомякову: нереализованный замысел К.Н. Леонтьева

© 2026, О.Л. Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В фонде К.Н. Леонтьева в РГАЛИ хранится конверт и несколько листов с выписками из важнейших статей А.С. Хомякова 1840-х гг., сделанными рукой неустановленного лица. Этот материал ранее не привлекал внимания исследователей, в академическом собрании сочинений и писем Леонтьева приводились только надписи на конверте и обложке. Обращение к эпистолярному наследию Леонтьева, а именно к его переписке со священником И.И. Фуделем, позволило установить, когда и для чего были выписаны эти фрагменты. Как удалось выяснить, Леонтьев зимой 1891 г. не только поручил кому-то из своих знакомых сделать выписки (по его указанию), но и разметил 1-й том сочинений Хомякова (1878) с тем, чтобы в дальнейшем написать к вошедшим в него текстам примечания. Более того, становится ясно, что примечания к Хомякову могли бы стать канвой отдельной статьи Леонтьева. Чтобы показать закономерность его прихода к этому замыслу, в данной статье впервые суммируются высказывания Леонтьева об основателе славянофильства, выявляются все случаи «встреч» двух мыслителей, начиная со времени, когда Леонтьев-студент впервые увидел Хомякова в гостиной своей тетушки на Остоженке вплоть до чтения его трудов на Афоне и в Оптиной пустыни.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, А. С. Хомяков, славянофильство, И. И. Фудель, материалы к примечаниям, цитаты

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ), наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Для цитирования: Фетисенко О.Л. Примечания к Хомякову: нереализованный замысел К.Н. Леонтьева // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 286–303. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-286-303>

В 1888 г. К.Н. Леонтьев признался в письме к новообретенному молодому другу Иосифу Фуделю¹, что своим мировоззрением (а это мировоззрение он определял как «гептастилизм» — учение о «семи столпах» «новой восточной культуры», «культурофильство», «идиотропизм» — теория своеобразия; как видим — всё, кроме славянофильства) обязан «отчасти — Герцену, отчасти Хомякову» [6, т. 12, кн. 1, с. 124]. Для него это фигуры равновеликие, олицетворяющие западничество и славянофильство. Помимо идейного влияния (от Герцена, например, Леонтьев перенял прежде всего острую критику современной Европы, где убывает душа) оба этих автора послужили для «русского византийца» хорошей школой стиля, образцами высокой публицистики. А.С. Хомякова Леонтьев часто упоминал в своих статьях рядом не только с другими старшими славянофилами, но также с Н.Я. Данилевским [6, т. 8, кн. 1, с. 269], даже находил у них общие «эмансипационные заблуждения» [6, т. 8, кн. 2, с. 71], однажды поставил его в несколько необычный ряд: «Хомяков, <Вл.> Соловьев, Данилевский» [6, т. 8, кн. 1, с. 613].

Собственное «местоположение» по отношению к славянофилам мыслитель выразил формулой: «...я “вышел” из Славянофильства» [6, т. 12, кн. 2, с. 487], имеющей, очевидно, два значения — «в славянофильстве мой исток» и «славянофильство я преодолел». Более развернутые пояснения находим в письмах Леонтьева к его ближайшему другу, К.А. Губастову: «Ни старые Славянофилы (Киреевский, Хомяков, Аксаков), ни сам Данилевский, ни Катков — не могли меня умственно подчинить. Мне все казалось и кажется, что я многое вернее, яснее, нагляднее их понимаю» [6, т. 12, кн. 2, с. 101]. «Я чувствовал, что я перерос их моею мыслью...» [6, т. 12, кн. 2, с. 293] (далее уточняется, что это были мысли об особом «культурном призвании России»). У славянофилов Леонтьев прежде всего и выделял идею своеобразия культуры².

Спор о принадлежности Леонтьева к славянофильству длится с перерывами уже более 130 лет, если вести отсчет от статьи кн. С.Н. Трубецкого «Разочарованный славянофил»³. В его идейном наследии видели то «позднюю фазу славянофильства» (В.В. Розанов) — с положительной коннотацией, то «разложение» этого идейного течения (П.Н. Миллюков). Контурь дискуссии, намеченные

¹ Имя Иосифа Ивановича Фуделя (1864/1865–1918), протоиерея (с 1907), издателя первого собрания сочинений Леонтьева (1912–1914), еще не раз встретится в этой статье. См. о нем и его взаимоотношениях с Леонтьевым: [2; 11, с. 608–650]

² Ср.: [6, т. 8, кн. 1. С. 33].

³ Трубецкой С. Разочарованный славянофил // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 772–810.

на рубеже XIX–XX вв., сохранялись и в позднейшее время (можно вспомнить, например, многочисленные работы А.Л. Янова или статью Н.В. Дамье [4]), в 1990-е гг. появилось несколько исследований, в которых сопоставлялись социальные воззрения Леонтьева и Хомякова⁴. Подробный обзор литературы о Леонтьеве до 2007 г. можно найти во введении к монографии С.В. Хатунцева, где особо выделены в том числе и случаи обращения к «славянофильской» теме [15, с. 5–51]. С тех пор новых работ по теме «Леонтьев и славянофильство», в общем, не прибавилось, за исключением кандидатской диссертации Е.В. Масланова 2011 г. [7] и нескольких глав в монографии автора данной статьи [11, с. 608–650]

Цель небольшого исследования, предлагаемого в этой статье, — реконструировать историю одного неосуществленного замысла⁵, который, будь он реализован, мог бы стать частью своего рода «философского завещания» Леонтьева, пополнить число классических сохий или по крайней мере прояснить многое в вопросе об отношении «славянофила на свой салтык» [6, т. 12, кн. 2, с. 72] к одному из главных его предшественников. Начать придется издалека, поскольку даже простейший, биографический, аспект темы «Леонтьев и Хомяков» по-прежнему остается почти неизвестным.

В записках «Моя литературная судьба» (в той части, что посвящена знакомству с И.С. Тургеневым) Леонтьев обмолвился, что в юности «видал Хомякова и Погодина», но тогда не заинтересовался ими: «...они мне казались такими *моральными* людьми, а я *морали* тогда не любил»⁶ (с Погодиным он, впрочем, познакомился, даже поместил в «Москвитяине» один из своих рассказов, а в 1874 г., уже по возвращении из Турции, возобновил знакомство, причем именно Погодин поспособствовал публикации главного леонтьевского труда — «Византизм и Славянство»). Сопоставление ряда текстов и биографических данных позволяет точно установить место и время, когда молодой человек мог «видать» основоположника славянофильства: Леонтьев встречал Хомякова на рубеже 1840–1850-х гг. на Остоженке, в доме 32, принадлежавшем богатой москвичке Наталии Васильевне Охотниковой (урожд. Шатиловой; 1788–1858), кузине Хомякова. Константин Николаевич, тогда студент медицинского факультета Московского университета, жил в этом доме. Дочь Охотниковой Анна Павловна (1820–1859) — вторая жена леонтьевского дяди Владимира Петровича Карабанова, которого в это время уже

⁴ См., например: [9, 16]

⁵ У писателя их было довольно много. См. об этом: [12].

⁶ [6, т. 6, кн. 1, с. 34]; здесь и далее курсив в цитатах принадлежит Леонтьеву.

не было в живых. Это означает, что два русских мыслителя были в довольно близком свойстве, ведь А.П. Карабанова — внучатая племянница Хомякова, а Леонтьев — ее племянник по мужу.

Яркая леонтьевская характеристика славянофилов («...русские дворяне, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкие, европеизмом пресыщенные; благородные москвичи, за спиной которых стояли целые века государственного великорусского опыта» [6, т. 7, кн. 1, с. 546]) может основываться на личных впечатлениях — воспоминании о времени, когда он из угла гостиной наблюдал за блистательным Хомяковым. Именно и только наблюдал, а представлен был едва ли. Ср. в неизданном при жизни Леонтьева очерке «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве»: «С Славянофилами я лично не был знаком...» [6, т. 6, кн. 1, с. 8]. Интересно, что позднее один из учеников Леонтьева, филолог и поэт Анатолий Александров будет репетитором внучатого племянника и полного тезки славянофила — Алексея Степановича Хомякова младшего (1872–1952)⁷. Сам же Леонтьев уже после кончины старшего Хомякова познакомился с несколькими людьми, хорошо его знавшими, — с И.С. Аксаковым, Н.П. Гиляровым-Платоновым, кн. В.А. Черкасским и другими, в Оптиной пустыни слушал рассказы о Хомякове иеромонаха Климента (Зедегольма), который в молодости был домашним учителем в семье И.В. Киреевского, обсуждал с ним вопрос — все ли воззрения славянофила принимает Церковь. Сохранился уникальный документ, появившийся как ответ на это вопрошание Леонтьева: записка о. Климента с изложением взгляда оптинских старцев на богословские сочинения Хомякова⁸.

Что Леонтьев знал из сочинений Хомякова? Не так мало, как может показаться по не слишком многочисленным прямым отсылкам в его работах. В своих статьях и книгах Леонтьев процитировал (называя автора, но не указывая заголовков работ) статьи «Англия», «Письма к В. Пальмеру» и «Еще несколько слов Православного христианина о западных вероисповеданиях»⁹. По-видимому, он был знаком и с незавершенным трудом, в первой публикации условно озаглавленным «Записки о всемирной истории» [6, т. 8, кн. 1, с. 84]. В письмах К.А. Губастову, Т.И. Филиппову и О.А. Новиковой Леонтьев обнаружил знакомство со статьей «Письмо к И.С. Акса-

⁷ См.: [1, с. 73, 500–501].

⁸ Записка была впервые опубликована мною: [14].

⁹ [6, т. 7, кн. 1, с. 57; т. 6, кн. 1, с. 283; т. 8, кн. 2. С. 165]. См. также скрытое указание на последнюю статью: [6, т. 6, кн. 1, с. 421]. Самый ранний случай цитирования относится к 1867 г.

кову о значении страдания и молитвы»¹⁰. Знал Леонтьев и стихи Хомякова: дважды цитировал стихотворение «Беззвездная полночь дышала прохладой» [6, т. 2, с. 447; т.6, кн. 1, с. 201]. Но оставался непроясненным вопрос: в какой именно последовательности он читал и узнавал классика славянофильства. Неосторожным было бы слишком доверяться позднему «припоминанию» другого оптинского знакомого Леонтьева, монаха Эразма (Вытропского) — о том, что «до сего времени» (т. е. до начала июля 1889 г.) «К<онстантин> Н<иколаевич> Хомякова не читал, кроме французской брошюры о вопросах веры, которую прочел на Афоне...» [6, т. 12, кн. 2, с. 790].

В «Афонских письмах», начатых непосредственно на Святой Горе (1872; более поздняя редакция опубликована посмертно в 1912 г.), Леонтьев обмолвился о несколько необычном для монастыря круге чтения: «На столе моем рядом лежат Прудон и Пророк Давид, Байрон и Златоуст; — Иоанн Дамаскин и Гете; — Хомяков и Герцен» [6, т. 7, кн. 1, с. 132]. Несмотря на эту цитату, как будто подтверждающую правоту о. Эразма, важно подчеркнуть, что Леонтьев начал читать Хомякова еще до Афона, до своего религиозного обращения. Более того, углубление в сочинения Хомякова косвенно послужило одним из толчков к этому духовному перевороту. Ср.: «И мне нужно было ознакомиться с Хомяковым, Аксаковым и некоторыми Католиками, чтобы захотеть ехать к святым из русских купцов и греческих мужиков» [6, т. 12, кн. 2, с. 189]. Когда Леонтьев упоминает о том, что обсуждал с афонским старцем Иеронимом (Соломенцевым) (т. е. с одним из этих «святых из русских купцов») Герцена и Хомякова¹¹, это вовсе не означает, что старец «приохотил» Леонтьева к Хомякову, как кажется на первый взгляд и как следует из приведенной выше записи монаха Эразма: «...брошюры о вопросах веры, которую прочел на Афоне по рекоменд<ации> о. Иеронима» [6, т. 12, кн. 2, с. 790]. Да, одна из «французских» брошюр Хомякова могла иметься в библиотеке Пантелеимоновского монастыря, но это не означает, что Леонтьев не мог захватить с собой московский первый том сочинений славянофила (1860) или изданный в Праге в 1867 г. том богословских сочинений. Это косвенно подтверждается и процитированным выше фрагментом из «Афонских писем»: ведь едва ли в монастырской библиотеке Леонтьев нашел бы Прудона, Байрона и Гете. Значит, эти книги он привез с собой из Салоник, где служил консулом. Мог, следовательно, добавить к ним и Хомякова.

¹⁰ [6, т. 11, кн. 2, с. 95; т. 12, кн. 2, с. 33, 282; коммент.: 6, т. 12, кн. 2, с. 594–595].

¹¹ «От<ец> Иероним <...> читал с удовольствием Хомякова и Герцена и рассуждал со мною об них» [6, т. 12, кн. 3, с. 216].

Есть и другие указания на «доафонское» знакомство будущего «оптинского отшельника» с трудами Хомякова. Леонтьев вспоминал, например, что уже в 1860-х гг. стал «жить идеями, более или менее близкими к идеям Хомякова и Аксакова» [6, т. 8, кн. 1, с. 598], называл себя (каким был в те годы) «учеником» Хомякова [6, т. 8, кн. 2, с. 158, 222]¹². Другое дело, что это знакомство могло быть тогда не очень глубоким. К моменту работы над книгой «Византизм и Славянство» Леонтьев, по его свидетельству, с учением славянофилов (в том числе и Хомякова) «был уже давно <...> знаком в общих чертах» [6, т. 8, кн. 2, с. 154].

Наконец, весомым аргументом является и включение сочинений Хомякова в составленный Леонтьевым в 1865 г., в пору службы в Адрианополе, список литературы, рекомендованной греческим и славянским учебным заведениям — для распространения русского влияния, как сейчас сказали бы, «мягкой силой». Важно отметить, что сочинения Хомякова он поставил в списке под номером 2 — сразу вслед за сочинениями Пушкина¹³. На тот момент доступен мог быть или первый том собрания сочинений, или том стихотворений, вышедший в 1860 г. С последним изданием в том же Адрианополе была связана еще одна история. Леонтьеву пришлось спасать от турецкого преследования некоего болгарского священника, иеромонаха Амфилохия, который был задержан за хранение книг на русском языке, среди которых оказался тот самый сборник стихотворений Хомякова [6, т. 10, кн. 1, с. 84–90]. Книги запретили отдавать их владельцу, и они были оставлены в консульстве, где потом их по просьбе о. Амфилохия пытался отыскать сменивший Леонтьева К.А. Губастов¹⁴. Пока книги находились в консульстве, Леонтьев мог перечитывать поэтические произведения славянофила.

Обобщая позднейшие высказывания Леонтьева о Хомякове, можно так представить себе суть его суждений: Леонтьев находил у Хомякова «много прекрасного», считал его сочинения изящными и высокими (ср.: [6, т. 12, кн. 2, с. 117]), одобрял то, что у философа наука была подчинена «несколько своевольному, но все-таки в основе глубоко-православному его чувству» [6, т. 8, кн. 1, с. 300], отмечал, что стиль Хомякова живее, чем у других славянофилов¹⁵, но упрекал

¹² В первом случае характерно добавленное в скобках: «тогда!», что означает: только тогда был учеником, а впоследствии уже не являлся им.

¹³ [6, т. 10, кн. 1, с. 360] — приложение к «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии».

¹⁴ См.: [3, с. 64].

¹⁵ Ср. в письме к Н.Н. Страхову (1870): «Славянофилам вообще недоставало до сих пор легкости, жизненности и картинности в статьях. — Чуть-чуть что-то подобное отрывочно мелькает у Хомякова» [6, т. 11, кн. 1, с. 291].

за то, что мыслитель не обличил «среднего европейца»¹⁶, как это сделал Герцен, мирился с либерализмом и прогрессом, питал слабость к протестантизму и ненависть к Риму¹⁷; с иронией замечал: «...есть люди (напр<имер> Хомяков), которые находят, что *мораль* и есть *высшая* эстетика» [6, т. 12, кн. 2, с. 166]. Богословские сочинения Хомякова, признаваемые им (как и самаринские) «замечательными» [6, т. 8, кн. 2, с. 216–217]¹⁸, казались ему при этом туманными [6, т. 12, кн. 3, с. 43], а вообще учение славянофилов — бессистемным [6, т. 8, кн. 2, с. 84] (в отличие от теорий Данилевского).

Если в «Византизме и Славянстве» Леонтьев упоминает рядом св. Иоанна Дамаскина, митрополита Филарета Московского и Хомякова, добавляя: «Иоанн, Филарет, Хомяков — сознательные, философски развитые продукты Византийской, аскетической культуры...» [6, т. 7, кн. 1, с. 171], то в конце жизни он четко противопоставляет «хомяковское» Православие (туманное и своевольное) «филаретовскому» (которое ближе к «византизму») [6, т. 8, кн. 2, с. 149–150]. Черновик незавершенной статьи «Кто правее?» (1890) показывает даже, что он выражение «православия Хомякова» заменил на «православного мистицизма Хомякова» [6, т. 8, кн. 2, с. 149, 570]. Это вполне сочетается с замечанием о том, что статья «хорошим, благочестивым и добродетельным христианином» можно и при «хомяковском оттенке в Православии», но святым — едва ли [6, т. 8, кн. 2, с. 150]. Эту резкость оценок смягчает сделанное чуть раньше признание «важности» богословских трудов Хомякова и того, что «некоторые стороны» их «никогда не утратят своего значения в истории русского сознания и во многих еще случаях будут служить опорой дальнейшему ходу как религиозного, так и национального у нас мышления» [6, т. 8, кн. 1, с. 462].

Обосновавшись в 1887 г. у стен Оптиной пустыни и работая над циклом «Записки отшельника», Леонтьев решил более серьезно изучить труды старших славянофилов. Он читает двухтомник Ивана Киреевского, в 1888 г. А.А. Александров приобретает для него два тома богословских сочинений Ю.Ф. Самарина (см.: [1, с. 78, 82]). В июле 1889 г. будущий монах Эразм, тогда — инок Эраст

¹⁶ «Заметьте — вы нигде не найдете ни у Киреевского, ни у Хомякова, ни у Самарина нападок на *скромного буржуа*, на *среднего европейца*. — Они понимали, конечно, что этот всепоглощающий тип — пошл и бесцветен; но они *не смели*, не *хотели* нападать на него так беспощадно и настойчиво, как нападал Герцен» [6, т. 12, кн. 2, с. 17].

¹⁷ См.: [6, т. 12, кн. 1, с. 267; т. 12, кн. 2, с. 132–133, 227; т. 12, кн. 3, с. 33].

¹⁸ При том что сочинения Самарина и Хомякова, полагал он, принесли и отрицательные, и положительные плоды [6, т. 8, кн. 2, с. 216].

(Вытропский), по просьбе Леонтьева, посылает ему второй том сочинений Хомякова [6, т. 12, кн. 2, с. 790]. Первый том, как увидим, был у него свой. А еще через год небольшим и начинается история не совершившегося «диалога» Леонтьева с Хомяковым, к рассказу о которой мы наконец можем перейти после этого длинного, но необходимого вступления.

10 декабря 1890 г. Иосиф Фудель, в то время уже год как ставший священником и служивший в Белостоке, спросил у Леонтьева, есть ли в сочинениях Хомякова «что-нибудь ... относительно славян и Славянского единства», и попросил на прочтение соответствующий том собрания сочинений, который хотел бы получить с леонтьевскими «заметками» и «записками на полях» [10, с. 253]. Это было ему нужно для полемики с петербургским журналом «Благовест» о «преемстве от отцов», т. е. фактически о судьбе славянофильства¹⁹.

3 января 1891 г. Леонтьев сообщает младшему другу, что «приготавливает Хомякова» (речь шла о первом томе), уже сделал разметку значками на полях и обещает написать примечания «на особых листах», потому что на полях «делать заметки основательные» «невозможно» [6, т. 12, кн. 3, с. 7]²⁰. Позднее он даже упомянет о целой задуманной «тетрадке», а не просто об отдельных листах [6, т. 12, кн. 3, с. 63]. Помешало исполнить намерение то, что вскоре полученное письмо Н.Н. Страхова всколыхнуло в Леонтьеве старые обиды на «Фабия Кунктатора» (как он называл своего петербургского знакомого), он отвлекся на писание ответа, на который — чтобы привести его к приемлемой для оптинца форме — понадобилось несколько редакций.

В этом беспокойном настроении Леонтьев продолжает начатое 19 января длинное письмо Фуделю (закончит его только 1 февраля), в котором 24 января упоминает о том, что с примечаниями произошло замедление [6, т. 12, кн. 3, с. 26]. Однако он был еще преисполнен намерения их сформулировать, только просил потом, переписав эти примечания, вернуть листы: они могут ему самому «занадобиться» [6, т. 12, кн. 3, с. 27]. Эта деталь очень интересна, она говорит о том, что Леонтьев тогда мог планировать статью о Хомякове, которая стала бы ответвлением от цикла «Записки отшельника». В последнем именно тогда, зимой 1890/1891 гг., появились страницы, посвященные полемике со славянофилами двух поколений. В отличие от Фуделя, Леонтьев делает акцент на «вопросах социальных» и на это

¹⁹ См. об этом: [11].

²⁰ Заметки на полях, однако, Леонтьев тоже любил и практиковал. См., например: [8; 13].

же хочет ориентировать своего молодого друга [6, т. 12, кн. 3, с. 26]. Ср. в статье «Славянофильство теории и славянофильство жизни» (начата в 1890 г. для газеты «Русское дело», переделана в 1891 г. для «Гражданина»): «Я думал о взглядах Хомякова на дворянство и другие сословия наши...» [6, т. 8, кн. 1, с. 461]. Дальше в статье говорится: «Хомякова надо оставить пока в стороне»; обратим особое внимание на это «пока», свидетельствующее о некоем замысле, отложенном на неопределенное «потом».

Уже 26 января Леонтьев, в том же длинном письме к Фуделю, признается, что к Хомякову, Данилевскому и Киреевскому примечаний не сделает: «Боюсь *труда!*» [6, т. 12, кн. 3, с. 39]. Маргиналии на книге Данилевского «Россия и Европа» — для того же адресата — тем не менее позже сделает, и очень обстоятельно [6, т. 12, кн. 3, с. 348–358]. Вместе с книгой творений Аввы Дорофея с интереснейшими заметками Леонтьева на полях том Данилевского от о. Иосифа впоследствии попадет к С.Н. Дурылину. Сейчас обе книги хранятся в фонде Дурылина в РГАЛИ (ф. 2980).

Все в том же письме-трактате 29 января Леонтьев указывает, что вышлет в Белосток, где служил Фудель, тома Киреевского и Хомякова немного позже, не в подарок (как Данилевского), а на время. А пока хочет для себя, «для своих работ» [6, т. 12, кн. 3, с. 54], сделать выписки — без примечаний. Примечания, признается он, делал бы «с удовольствием» «и не без пользы», но до лета не сможет этим заняться: «необходимо — трудиться для *денег*» [6, т. 12, кн. 3, с. 54]. (Подразумевалась работа над статьями цикла «Записки отшельника».) Но летом подойдут уже другие заботы: подготовка к монашескому постригу и переезду в Сергиев Посад, пересмотр архива, примечания для В.В. Розанова на посылаемых ему тетрадях и «редакторские» примечания к его статье (первой серьезной статье о Леонтьеве-философе), двухнедельное общение с приехавшим в Оптину петербургским литератором Иваном Щегловым (И.Л. Леонтьевым), приезды Александра и самого Фуделя; мысли о статье «Кто правее?» (Леонтьев планировал еще доделывать эту важную для него работу, ждал полемических примечаний от Вл. Соловьева).

23 февраля Леонтьев сообщает, что еще не может выслать том Хомякова. «Не удосужусь никак заняться этим» [6, т. 12, кн. 3, с. 59]. Это означает, что он еще надеялся сделать и выписки, и, быть может, даже и примечания. Если он так долго это откладывал, значит, вероятно, не хотел отделаться беглыми замечаниями, как, к примеру, в записке «Разные стороны учения Соловьева», адресованной тому

же Фуделю [6, т. 12, кн. 3, с. 323–324], а думал о чем-то более значимом — тезисах будущей статьи. Может быть, он хотел навести Фуделя на идею такой статьи, но и последний так и не написал ее.

Наконец, выписки были сделаны (Леонтьев, не любивший тратить время на подобную черновую работу, попросил кого-то из оптинцев) и книга была отправлена Фуделю вместе со вторым томом Киреевского и письмом от 19 марта 1891 г., содержащим выписки из «Православно-догматического богословия» митрополита Макария (Булгакова) [6, т. 12, кн. 3, с. 63]. До этого времени Леонтьев все еще не терял надежду сделать примечания и в письме воскликнул: «Очень жалею!»

«Цифры на полях *Хомяк<ова>* я выставлял в благой надежде, что приложу тетрадку с моими для вас примечаниями. <...> Но *веществ<енные>* условия требуют *наильно*, чтоб я печатал; — <...> и вот сразу накопилось так много дела, что я при одних цифрах и знаках и остался. — Очень жалею!» [6, т. 12, кн. 3, с. 63].

8 августа Леонтьев успокоит Фуделя: «Хомякова и Киреевского держите у себя сохранно, пока я не потребую» [6, т. 12, кн. 3, с. 170]. И, вероятно, так и не успел потребовать, книги могли навсегда остаться у Фуделя, так же как тетради с наклейками статей о Леонтьеве, высланные на время Розанову, остались у него.

По счастью, выписки, сделанные по указаниям Леонтьева, хотя бы частично сохранились. Имеются даже конверт и обложка к ним²¹. В том же конверте хранились вырезки с последними прижизненными отзывами о Леонтьеве. В надписи его рукой упомянуты они и добавлено: «Выписки из *Хомяко<ва>* и *Киреев<ского>*». Внутри имеется обложка с заголовком: «*Выписки из / Хомякова и Киреевского / 1891 г.*» [6, т. 12, кн. 3, с. 362]. На самих листах в левом верхнем углу карандашом рукой Леонтьева помечено: «*Хом<яков>*». Почти везде оставлено много свободного места для тех самых несозданных примечаний.

Благодаря тому, что Леонтьев попросил переписчика²² указать страницы, выяснилось, что он пользовался первым томом издания не 1861-го, а 1878 г.²³, содержание которого шире (впоследствии, в издании 1900 г., составившие эту книгу тексты были разделены

²¹ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 79.

²² До 1891 г. таковым выступал о. Эраст, но в это время он был занят поручениями старца Амвросия, и выписки сделаны не его рукой. Также это и не рука племянницы Леонтьева Е.В. Самбикиной, близкой духовной дочери старца Амвросия, впоследствии игуменья Шамординского монастыря. Остается в настоящее время сказать: копия рукой неустановленного лица.

²³ *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. 2-е изд. М.: Тип. Лебедева, 1878. Т. I. 768 с.

на несколько томов). Обратившись к рукописи, мы можем проследить, какие фрагменты планировал в дальнейшем прокомментировать Леонтьев.

Первая выписка (л. 20) взята со с. 39–40. Это мало характерная для Хомякова дань исторического признания Византии, цитата из статьи «Мнение русских об иностранцах» (1846). Приведем ее с небольшими сокращениями.

<...> История Восточной Империи, втопанная в грязь гордым презрением Запада, не получила еще должного признания в земле, которой вся духовная жизнь ведет начало свое от Византийских проповедников. Так не умели или не осмелились мы сказать, что должны же были быть скрыты семена силы и величия в том государстве, которое выдержало победоносно первый напор всех народов <...>, уничтоживших так быстро существование Западно-Римской империи, которое потом отбилось от второго <...> которое, будучи затоплено и почти покорено Славянскими дружинами, нашло в себе и в своем духе столько энергии, что смогло усвоить, принять в свои недра и эллинизировать своих победителей; которое боролось не без славы и часто не без успеха со всею громадною силою молодого Ислама <...> которое наконец пережило, в продолжении почти целого тысячелетия, своего Западного брата, несмотря на несравненно бóльшие опасности, на длинные, слабые и беззащитные границы и на внутреннее разногласие между началами чистого просвещения и основами общественного устройства.

Для автора «Византизма и Славянства» такое «союзническое» подкрепление было важно и дорого.

Следующие сохранившиеся выписки почерпнуты из программной работы Хомякова «По поводу статьи И.В. Киреевского “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”» (1852). Порядок листов в архиве нарушен. Расположим выписки, следуя за текстом Хомякова.

Большая выписка на л. 24, страница по собранию здесь не указана. Имеется карандашная правка Леонтьева (только на этом листе), причем не верная: он не понял строения одной из фраз и стал ее поправлять. Это выписка со с. 214–215 издания 1878 г.: фрагмент, посвященный ответу на вопрос, почему Византия не спаслась от «гибели и падения», и характеристике распространения там христианства — без односторонности.

Ум человеческий был пробужден и напряжен во всем просторе Эллинской или Эллинизированной области. Какое было на Востоке богатство церковной словесности, какая глубина мысли, какая сила и роскошь красноречия, какое стремление к определенности понятий, соединенное со всесторонностью, исключаящею преобладание сухой рассудочности, какое множество великих и святых деятелей и учителей, с которыми на Западе не равнялся никто (за исключением восточного уроженца Иринея), — про то свидетельствует сама Западная наука <...>. Нечестен и безумен всяк тот, кто бы ни был он родом или какого бы ни был исповедания (если только он Христианин), кто вспомнит без благодарности эту заслугу Византийского мира перед человечеством.

Далее должна быть идти выписка со с. 228, из подглавки «Общность жизни» (л. 22).

Дружина и стихии, стремящиеся к единению государственному, двигаясь по кругу понятий отвлеченных <...> или выгод личных и принимая в себя беспрестанный прилив иноземный, были более склонны к развитию сухому и рассудочному, к мертвой формальности, к принятию Римского Византийства в праве и всего чужестранного в обычае.

О дружине могли быть сделаны и другие выписки или, по крайней мере, предпринята разметка значками в тексте, поскольку в статье «Славянофильство теории и славянофильство жизни» Леонтьев останавливается на подобной теме, хоть и в другом аспекте: «...все, что он (Хомяков. — О.Ф.) писал о наших сословиях, “о служилых людях”, о “дружине” и т. д. — было высказано около полувека тому назад, при существовании крепостного права...» [6, т. 8, кн. 1, с. 461].

Далее, на том же л. 22 идет выписка со с. 231 о том, что Запад создан завоеванием, а «старая Русь» «самим Христианством». «Все прочие связи, рыхлые и некрепкие сами по себе, получали крепость и освящение от одной этой неразрушимой связи. <...> Славяне искали проповеди истины».

Л. 21 открывает выписка со с. 231–232 об обстоятельствах принятия Христианства на Руси (подзаголовок в издании 1878 г.: «Русское отношение к Христианству»). Отметив, что веру приняли «разумно», Хомяков в то же время писал: «За всем тем беспристрастная критика должна признать, что земля Русская в большей части своего населения приняла более обряд церковный, чем духовную веру и разумное

исповедание Церкви». Трудно сказать сейчас, собирался ли Леонтьев это подтвердить, развить, или, напротив, оспорить. Вернее всего, последнее, потому что церковный обряд в его сознании занимал место наравне с догматикой.

На том же листе помещена выписка со с. 235 (главка «Междоусобия»), продолжающая мысль Хомякова: «Византия, сохранив целость и неприкосновенность Христианского начала, не могла дать ему приложения в быте общественном. Наша древняя Русь, почувствовав эту потребность и отчасти даже выразив ее, не могла дать полноты своему выражению по слабости духовного верования в большей части ее жителей».

Не выписано помощником Леонтьева, но характерно развитие этой идеи у Хомякова (с. 236): «...в людях, составляющих общество, т. е. в русском народе, недоставало положительного Христианства».

Напомним, что у Хомякова есть гораздо более негативные высказывания о Византии. Одно из них (из «Семирамиды», т. е. «Записок о всемирной истории») подразумевал Леонтьев, когда писал С.Ф. Шарапову 5 ноября 1890 г. о тех составляющих богословия Хомякова, которые вызывают его отвращение: «...вроде того, “что Христианин утратил под влиянием Византийства всякое представление о настоящем Христ<ианском> Государстве”» [6, т. 12, кн. 2, с. 539, коммент. с. 927]. Ср.: «Но Византии не суждено было осуществить понятие о Христианском государстве; ей не суждено было уцелеть и указать своим примером новый и высший путь человечеству»²⁴. Указанное место со с. 235 издания 1878 г. — в этом же ключе. Можно напомнить и фрагмент на с. 219 о том, что христианство «удалилось в душу человека»: «Темнее становились города, просиявали пустыни, и добродетели личные возносились к Богу как очистительный фимиам, между тем как зловоние общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византийскую».

Последние выписки обнаруживаем на л. 23. Это цитата со с. 237: «Духовенство, обращаясь к Христианскому чувству народного единства, постоянно стремилось к единению под державною рукою Москвы»; выписанный вслед за тем фрагмент со с. 253 посвящен уже выделенной ранее теме «недостатка сознания» в принятии христианства на Руси: «Обращение было более обрядовое, чем разумное; но дух Христианства проник сельский мир, сосуд, готовый к его приятию, и развил <...> общежительное начало и добродетели, сопровождающие его».

²⁴ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. I. С. 216.

Продолжая читать ту же книгу «глазами Леонтьева», можно было бы дополнить выписки цитатой со с. 216: «даже падение его (византийского государства. — *О.Ф.*) было не бесславно», а также афоризмом: в византийских монастырях «спасалась наша будущая Русь»²⁵. Полемический отклик у эллинофила Леонтьева явно должно было бы вызвать замечание на с. 220: Русь сразу (после принятия христианства) «стала бесконечно выше Византии».

Есть у Леонтьева, в статье «Славянофильство теории и славянофильство жизни», упоминание о том, что Хомяков понимал Россию: «Хомяков был бесспорно человек и глубокомысленный, и остроумный, и Россию в некоторых отношениях удивительно понимавший. Понимавший ее (*в некоторых*, повторяю, отношениях) так, как никто, быть может, ее тогда не понимал» [6, т. 8, кн. 1, с. 461]. Возможно, на полях были отмечены именно такие места — о России. В связи с интересом Леонтьева к сословному вопросу в указанном томе Хомякова тоже многое могло бы остановить его внимание. Например, в статье «О старом и новом» (1839) фрагмент об изменениях, претерпеваемых русским дворянством, о том, что оно теперь не «аристократично» и открыто для вхождения в него. Основываясь на его собственных замечаниях, мы видим, что у Хомякова Леонтьеву были интересны «полезные и остроумные указания исторические» [6, т. 8, кн. 1, с. 462], вероятно, в том числе и наблюдения о национальном своеобразии, но он не видел у мыслителя дара предвидения: «...не найдем никаких, даже и отдаленных предчувствий того, что нам пришлось пережить со дня его ранней кончины» [6, т. 8, кн. 1, с. 462].

О несозданных солиях к Хомякову можно пожалеть почти столько же, как и о более крупном нереализованном замысле Леонтьева — книге о «новой восточной культуре». Ясно, что сам писатель придавал большое значение этой намеченной, но не воплощенной работе, почему и не хотел заниматься ею в спешке. Для него было характерно обращение к философскому диалогу, отталкивание от «чужих мыслей» (именно так названа одна из его последних, незавершенных, статей). Вполне возможно, что примечания к Хомякову тоже имели бы адресатом не только одного белостокского священника: из них могла бы вырасти статья, которая раскрыла бы, в чем заключался тот самый «свой салтык», отличавший Леонтьева от московских славянофилов.

²⁵ Там же. С. 219.

Литература

1. *Александров А.А.* Письма К.Н. Леонтьеву. Стихотворения. Статьи. Воспоминания. Материалы к истории журнала «Русское обозрение» / изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2024. 815 с.
2. *Винюкова Н.В.* Апология чистого христианства: Жизнь и служение протоиерея Иосифа Фуделя. М.: Изд-во ПСТГУ, 2025. 468 с.
3. *Губастов К.А.* Письма К.Н. Леонтьеву. Статьи / изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2025. 623 с.
4. *Дамье Н.В.* К.Н. Леонтьев и классическое славянофильство // Кентавр: ист.-политол. журн. 1994. № 1. С. 32–48.
5. *Котов А.Э.* Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 56–75.
6. *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / гл. ред. В.А. Котельников. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
7. *Масланов Е.В.* Формирование социального идеала в творчестве ранних славянофилов и К.Н. Леонтьева: сравнительный анализ: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2011. 144 с.
8. *Микосиба М.* О пометах К. Леонтьева на полях брошюры Вл. Соловьева «Три речи в память Достоевского» // Соловьевские исследования: Периодич. сб. науч. тр. 2004. Вып. 8. С. 32–55.
9. *Океанский В.П.* Христианское осмысление сущности государства в традиции русского православного органицизма: Хомяков — Леонтьев — Солоневич // Традиции в контексте русской культуры: Сб. статей и материалов по итогам V науч. конф. Череповец: Изд-во Череповец. гос. пед. ин-та, 1995. С. 135–139.
10. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. 816 с.
11. *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.
12. *Фетисенко О.Л.* К.Н. Леонтьев — публицист: утраченное и несозданное // Традиции и современность. 2024. № 38. С. 3–8.
13. *Фетисенко О.Л.* Окрест Оптиной: Достоевский и спор о «сентиментальном христианстве» в пометах К. Н. Леонтьева на книге «Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения...» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 145–161.
14. *Фетисенко О.Л.* Преподобный Амвросий Оптинский о «богословствовании мирян»: (Старец Амвросий и о. Климент (Зедергольм) о богословских сочинениях А.С. Хомякова и Т.И. Филиппова) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2006. Сб. 5. С. 260–295.
15. *Хатунцев С.В.* К.Н. Леонтьев: интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб.: Алетейя, 2007. С. 5–51.

16. Чистякова Т.Л. Славянофилы и неославянофилы: А. Хомяков, Н. Данилевский, К. Леонтьев // Вестник Мурманского гос. техн. ун-та. 2000. Т. 3, № 3. С. 515–524.

Research Article and Publication of Archival Documents

Notes on Khomyakov: An Unrealized Work by K.N. Leontiev

© 2026. Olga I. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The K.N. Leontiev collection at the Russian State Archive of Literature and Art contains an envelope and several sheets of excerpts from A.S. Khomyakov's most important articles. This material had not previously attracted the attention of researchers. In the academic collection of Leontiev's works and letters (volume 12, book 3), only the inscriptions on this envelope and cover insert for the said quotations were cited. An appeal to Leontiev's epistolary legacy, namely to his correspondence with the priest I.I. Fudel, made it possible to establish precisely when, for what purpose and from which edition these fragments were copied. The source was the first volume of Khomyakov's collected works, published in Moscow in 1878. In the winter of 1891, Leontiev not only commissioned one of his acquaintances to make extracts for him (at his direction), but also marked up the book in order to write notes for it later. The direct addressee of these notes was supposed to be Fudel. But when comparing the period of discussion of the idea with the text of one of the articles that Leontiev was working on at that time, it becomes clear that the notes to Khomyakov could have provided the outline for a separate work. To demonstrate the logic of Leontiev's turn to this idea, the author of the article collects for the first time together all of Leontiev's statements about the founder of Slavophilism and points out all the instances of "meeting" between the two thinkers, beginning from the time when the student Leontiev first saw Khomyakov in Moscow right up to the reading of his works on Athos and in Optina Pustyn.

Keywords: K.N. Leontiev, A.S. Khomyakov, Slavophilism, I.I. Fudel, materials for the notes, citations

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

For citation: Fetisenko, O.L. "Notes on Khomyakov: An Unrealized Work by K.N. Leontiev". *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 286–303. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-286-303>

References

1. Aleksandrov, A.A. *Pis'ma K.N. Leont'evu. Stikhotvoreniia. Stat'i. Vospominaniia. Materialy k istorii zhurnala "Russkoe obozrenie"* [Letters to K.N. Leontiev. Poems. Articles. Memories. Materials for the History of the Journal "Russkoe Obozrenie"], ed. prep. by O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2024. 815 p. (In Russ.)
2. Viniukova, N.V. *Apologiia chistogo khristianstva: Zhizn' i sluzhenie protoiereia Iosifa Fudelia* [Apology of Pure Christianity: The Life and Ministry of Archpriest Joseph Fudel]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Publ., 2025. 468 p. (In Russ.)
3. Gubastov, K.A. *Pis'ma K.N. Leont'evu. Stat'i* [Letters to K.N. Leontiev. Articles], ed. prep. by O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2025. 623 p. (In Russ.)
4. Dam'e, N.V. "K.N. Leont'ev i klassicheskoe slavianofil'stvo" ["K.N. Leontiev and Classical Slavophilism"]. *Kentavr: istoriko-politologicheskii zhurnal*, no. 1, 1994, pp. 32–48. (In Russ.)
5. Kotov, A.E. "Sviashchennik Iosif Fudel' i polemika o natsionalizme" ["Priest Joseph Fudel and the Polemic on Nationalism"]. *Russian Colonial Studies*, no. 2, 2019, pp. 56–75. (In Russ.)
6. Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t. [19 kn.]* [Complete Works and Letters: in 12 vols. [19 books]], ex. ed. V.A. Kotel'nikov. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2000–. (In Russ.)
7. Maslanov, E.V. *Formirovanie sotsial'nogo ideala v tvorchestve rannikh slavianofilov i K.N. Leont'eva: sravnitel'nyi analiz* [Formation of the Social Ideal in the Works of the Early Slavophiles and K.N. Leontiev: A Comparative Analysis: PhD Dissertation]. Nizhny Novgorod, 2011. 144 p. (In Russ.)
8. Mikosiba, M. "O pometakh K. Leont'eva na poliakh broshiury Vl. Solov'eva "Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo"." ["On K. Leontiev's Notes in the Margins of Vl. Solovyov's Brochure "Three Speeches in Memory of Dostoevsky.""] *Solov'evskie issledovaniia: Periodicheskii sbornik nauchnykh trudov*, issue 8, 2004, pp. 32–55. (In Russ.)
9. Okeanskii, V.P. "Khristianskoe osmyslenie sushchnosti gosudarstva v traditsii russkogo pravoslavnogo organizma: Khomiakov — Leont'ev — Solonevich" ["Christian Understanding of the Essence of the State in the Tradition of Russian Orthodox Organicism: Khomyakov — Leontiev — Solonevich"]. *Traditsii v kontekste russkoi kul'tury: Sbornik statei i materialov po itogam V nauchnoi konferentsii* [Traditions in the Context of Russian Culture: Collection of Articles and Materials Following the Results of the V Scientific Conference]. Cherepovets, Cherepovets State Pedagogical Institute Publ., 1995, pp. 135–139. (In Russ.)
10. "Preemstvo ot ottsov": Konstantin Leont'ev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniia ["Succession from the Fathers": Konstantin Leontiev and Joseph Fudel: Correspondence. Articles. Memories], ed. prep. O.L. Fetisenko. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2012. 816 p. (In Russ.)
11. Fetisenko, O.L. "Geptastilisty": Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki ["The Heptastylists": Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Students]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2012. 784 p. (In Russ.)

12. Fetisenko, O.L. “K.N. Leont’ev — publitsist: utrachennoe i nesozdannoe” [“K.N. Leontiev as a Publicist: The Lost and the Uncreated”]. *Traditsii i sovremennost’*, no. 38, 2024, pp. 3–8. (In Russ.)

13. Fetisenko, O.L. “Okrest Optinoi: Dostoevskii i spor o ‘sentimental’nom khristianstve’ v pometakh K.N. Leont’eva na knige ‘Prepodobnogo ottsa nashego Avvy Dorofeia dushepoleznye poucheniia...’.” [“The Outskirts of Optina: Dostoevsky and the Debate on ‘Sentimental Christianity’ in K.N. Leontiev’s Notes on the Book ‘The Soul-Beneficial Teachings of Our Reverend Father Abba Dorotheus...’”] *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research], vol. 17. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 145–161. (In Russ.)

14. Fetisenko, O.L. “Prepodobnyi Amvrosii Optinskii o ‘bogoslovstvovanii mirian’: (Starets Amvrosii i o. Kliment (Zedergol’m) o bogoslovskikh sochineniiakh A.S. Khomiakova i T.I. Filippova)” [“Venerable Ambrose of Optina on the ‘Theologizing of the Laity’: (Elder Ambrose and Fr. Clement (Zederholm) on the Theological Works of A. S. Khomyakov and T. I. Filippov)”]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [Christianity and Russian Literature], coll. 5. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 260–295. (In Russ.)

15. Khatuntsev, S.V. *K.N. Leont’ev: intellektual’naia biografiia. 1850–1874 gg.* [K.N. Leontiev: Intellectual Biography. 1850–1874]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2007, pp. 5–51. (In Russ.)

16. Chistiakova, T.L. “Slavianofily i neoslavianofily: A. Khomiakov, N. Danilevskii, K. Leont’ev” [“Slavophiles and neo-Slavophiles: A. Khomyakov, N. Danilevsky, K. Leontiev”]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 3, no. 3, 2000, pp. 515–524. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.11.2025
Одобрена после рецензирования: 10.12.2025
Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 23.11.2025
Approved after reviewing: 10.12.2025
Date of publication: 25.03.2026